

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мой боевой дед

Медленно крутятся бобины «Яузы», глуховатый голос моего ещё весьма бодрого деда повествует об интересных случаях во время войны. О боях он никогда не рассказывает, а об историях, случившихся с ним, его иногда прорывает, в основном после встреч с однополчанами, ну и когда в нём плещется не менее поллитра прозрачного напитка крепостью 40 градусов. Дед получил офицерское звание после окончания института как раз перед войной и ему пришлось конкретно «понюхать пороху». Но эта история — почти мирного периода. Почти...

— ... Весной 1943 года нашу дивизию отвели в тыл около Москвы на переформирование и пополнение, после «удачных» штурмов Жуковым так называемого «Ржевского выступа». Недаром у него была кличка «Мясник», он готов был воевать, как говорится — до последнего солдата. Так что от моей роты остался один взвод. Получил я наконец звание лейтенанта и, как сказал мой многоопытный старшина, теперь пойдёт у меня как по маслу. Ну так и получилось с его лёгкой руки, хотя вообще-то рука у него крепкая, многим новобранцам он «вдумчиво» смог объяснить, что им делать и как. И, как ни смешно, именно здесь, в тылу я смог заработать свои первые награды и первую свою премию, заработанную в почти боевых условиях. В один прекрасный весенний день мы с моим старшиной и с остатками бойцов моей роты разбирали трофейное оружие, чистили его и смазывали, как ни смешно — для сдачи его на склады. Тогда было много глупых и идиотских приказов по армии, но этот был зам. наркома обороны, немного за гранью глупости. Согласно этому приказу нужно было всё трофейное оружие сдать на склады и ни в коем случае не использовать и не хвалить его — сдача шла под контролем особых отделов, чтобы не было «восхваления оружия противника». Этот идиотизм упоминается в романе «Живые и мёртвые» — погрузили всё трофейное оружие на машины и отправили в тыл, а сами поехали на переформирование безоружными — собственное оружие захватили фашисты, а к наличному не было патронов. Цуцванг полный! А тут одна из танковых дивизий Гудериана прорвалась и немцы очень обрадовались — наши храбрые воины оказались просто беспомощными, ведь кисетами с табаком не очень-то повоюешь! Вот как получилось. А попадёшь в плен благодаря головотяпству генералов, так сам и виноват! А приказ нужно выполнять! А учитывая потерю многих складов с нашим оружием в результате бурного и даже панического отступления в 41 году нашей славной РККА — приказ вдвойне идиотский! Какая разница, каким ты оружием будешь громить врага — английским Бреном, нашим ППД или точным выстрелом из немецкого карабина К98? Но спорить в те времена с политруками, переведёнными в стан особистов, да ещё в те времена — просто смертельно опасно!

Так вот, после скромного завтрака по тыловой норме, после которого есть хочется ещё больше, стоим мы со старшиной Иванченко возле импровизированного оружейного стола и, поясняя нашим ветеранам и новобранцам систему разборка-сборка, закончили сборку отличного немецкого пулемёта MG-34. Бойцы моей роты уже неплохо разбирались в оружии и тоже очень тихо удивлялись, почему нельзя стрелять в фашистов из этого удачного создания сумрачного немецкого гения — высокая скорострельность, быстрая замена ствола, удобство при стрельбе. Старшина даже вставил ленту из коробки, мне очень не терпелось пострелять, тем более, что это был очень удачный единый пулемёт Вермахта — можно было

стрелять из него и с рук, и с сошками и со станка. Да и цинков с лентами полно!

Правда, нас со старшиной при этом, да ребят нашей роты, очень сильно отвлекала наша медсестра роты, яркая блондиночка и красотка Лидочка. Она пошла в армию после третьего курса мединститута, причина весьма прозаическая — голодно-вато в тылу было, да и замуж пора, а в тылу одни женщины и инвалиды. Лидочка весьма отлично стреляла своими красивыми глазками по мне и старшине, недаром на её груди почти горизонтально лежал значок «Ворошиловский стрелок». Многие нежные мужские сердца были «прострелены» огнём её глаз, но она никому не отдавала предпочтения. А как многим хотелось погладить этот значок!

Любуюсь я красивыми глазками Лидочки, с трудом уворачиваясь от стрел Амура, а тут вижу, что чудесные глазки Лидочки стали очень большими, почти как блюда в столовой. И её ротик с возбуждительно-пухлыми губками вдруг стал в виде буквы «О». Резко оборачиваюсь — большой пламенный привет из Рейха! Немецкий десант на планерах — вот почему мы их не слышали. Как я потом узнал, это было начало операции немецкого главного штаба, так называемого ОКВ, в преддверии наступления на Курской дуге — «Удар по штабам». Все остолбенели и я точно понял — нужен громкий чёткий приказ, иначе паника! Как потом Лидочка мне рассказала, она была в шоке и сильно удивилась, что я совершенно не испугался, а вёл себя спокойно, но громко взревел, да так, что все буквально вздрогнули и резко отошли от шока:

— Огонь по фашистским бандитам! Огонь на поражение! Кто промахнётся — под трибунал! Смерть немецким оккупантам! А Лидочке я чуть более тихо, сквозь зубы, прорычал: «За спину! Быстро!»! Вообще-то я так прорычал, потому что она загородила своей пышной грудью мне сектор обстрела и сильно мне мешала своим мельтешением, но она подумала, что я, как настоящий герой-витязь, закрыл её своей грудью. Она заскочила мне за спину и, крепко обняв, прижалась к спине.

Вот негодяйка — так возбуждает меня своей упругой грудью, а тут планер прямо на нас летит, сев метрах в двадцати перед нами, Лидочка даже сдавленно заойкала. Нас спасло то, что я сразу открыл огонь, а немецкие десантники не успели выскочить из планера. Вояки они сильные и опытные, но... шансов мы им не оставили, ни одного! Время как будто остановилось и я, сам удивляясь, что так спокоен, видимо просто не успел испугаться, навёл ствол МГ по салону планера.

Я отжал вниз клавишу предохранителя и нажал удобный спуск. Послушный механизм отработано провернулся, затвор наглухо запер первый патрон калибра 7, 92 боевыми упорами и острое сильное жало бойка пробило тонкое медное донце капсуля, разбив таблеточку гремучей ртути внутри. Ртуть вспыхнула злым огоньком, который влетел в брюшко гильзы, где дремал, ожидая своего часа, сильный молотый порох. Порошинки резво вспыхнули и превратились в раскалённый газ, зажатый сейчас в гильзе, словно джинн в сказочном кувшине. Мгновенно выплунутая невероятной силой раскалённого газа пуля немецкого калибра с силой врезалась в нарезы ствола и, раскрутившись, понеслась вперёд быстрее скорости звука, ища искомую цель в мундирах мышинового цвета, буквально разрывая их могучие тела силой горячего свинца и моей неукротимой ярости — ведь мы только что договорились с Лидочкой прогуляться к речке, а тут такое! Очередь почти в упор разметала тренированные тела десантников в мундирах фельдграу по всему салону изломанными куклами.

Рядом безостановочно грохотали карабины моей неполной роты и немецкие пули разъярѣнными осами неслись навстречу второму планеру. Старшина быстро воткнул вторую ленту в приёмник пулемѣта и железная метла раскалённого металла буквально смела эту нечисть внутри салона, а пилота планера буквально разорвала. Внезапная тишина буквально ударила по ушам, только тихо потрескивал, остывая, ствол спасшего нас МГ, все замерли, отходя от сильно стресса. И в этой тишине мы увидели две фигуры с поднятыми руками — «Нихт шиссен!», Ну вот и «языки» для разведотдела и я приказал двоим солдатам привести пленных. Я стоял гордый и непреклонный, как Илья Муромец, разгромивший врагов, но тут старшина дипломатично на ухо посоветовал быстренько собрать трофеи, пока не налетели штабные «герои» и всё не отобрали. А тут ещё Лидочка немного меня сконфузила, крепко обняв и, сильно прижимаясь своей впечатляющей грудью, громко прошептала: — Спас меня! Закрыв своим телом! Ты мой герой! Обожаю тебя!

Старшина ехидно прохмыкал и доложил, что трофеи собраны. Самое ценное оказалось, что в контейнерах, сброшенных с пузатых транспортных «Юнкерсов», так называемых «Тѣтушка Ю», вслед за планерами, были не только боеприпасы для десантников, но и продукты. Продукты в это полуголодное время! — консервы, сало, упакованное в целлофан в стограммовых порциях, галеты, сосиски, тоже в целлофане, кофе в банках, шнапс в металлических фляжках. Пакетики странные, вроде как с леденцами, а эти леденцы удивили всех. Пленные показали, что эти «леденцы» нужно бросать в стакан или кружку с водой, пошипит-побурлит и получается лимонад! Хитрый и опытный старшина предложил быстро половину сала и консервов отнести в наш ротный склад, а остальное — всё отправить в штаб дивизии, начальство это любит. А мы так сумели отлично подкормиться все два месяца перед отправкой. А тут ещё напасть! Как и всегда — после боя, после аварии или после пожара, но всегда, причѣм строго — после, явились штабные герои в виде нашего начальствующего состава.

Естественно, стали выдавать приказы и ценные указания, причѣм в основном все довольно глупые — бой уже закончился. А как они храбро сейчас держались, ещё бы, бой ведь уже закончился и им ничего не угрожает. Ну и конечно — жаль, что их не было, а то бы они показали этим десанникам, где раки зимуют. А некоторые и показали — наш политрук и особист сейчас выползли из окопа, брюки у них в грязи и мокрые. А так как они повторили семь раз, что облились, то сразу стало ясно — обоссались от страха! Ещё бы — такие страшные в своей мощи планеры, грохот пулемѣта и винтовок! Пули свистят всюю! Зато сейчас они попытались сопроводить телеги с трофеями в штаб, но старшина их остановил, мол не все трофеи собраны. А мне на ухо — езжай сам и сам вручи генералу, а то ототрут и всё на себя запишут, какие они орлы и герои, вон даже обоссались от усердия!

Правда, пришлось мне немного задержаться — на меня просто «героически» накинута старший политрук дивизионного политотдела. Оказывается, я негодай — взял в руки поганое оружие подлых врагов нашей страны, не сдав его на склад и даже стрелял из него. А тут и наш комполка явился, как всегда — тоже после боя, он «заседал» с нашей второй медсестрой в своей землянке, «беседуя» с ней в своей любимой позе «рачком», вон ширинку так и не застегнул, пуговицы все наружу.

А как закончились вопли старшего политрука, во мне проснулся постоянный член наших институтских «капустников» и я, встав по стойке «Смирно», громко выпалил, преданно глядя на руководство штаба дивизии: — А мы тут решили, что ударим фашистской пулей по

фашистской морде. Нечего наши пули на этих негодяев тратить. Вон они и наелись своего свинца досыта, никто подняться не может! Вот так! Помолчали они, штабные герои тыла, видимо переваривая мои слова, а тут начальник штаба громко захохотал, повторяя — «Фашистской пулей — по фашистской морде!» И к политруку — сделать такой лозунг. И, сказав моему комполка, чтобы представил меня к награде, пошёл проверять работу нашего штаба. А политрук ринулся сопроводить трофеи, да я уже сижу в кабине «Студебеккера» — не надо нас душить, я и сам смогу доложить в дивизии, как всё было. А политрук уже в блокноте строчит, видимо пишет донесение в штаб армии, как он нас воодушевлял в бою и даже сам угрохал кучу фрицев. Это они умеют, недаром в штабе дивизии все в орденах и медалях! В тылу всегда полно героев!

И правильно я сделал — кинулся политрук к генералу, а тот меня вызвал и приказал доложить, поняв, что политрука и близко там не было. А получилось немного юморно — командир полка представил меня к награде и дал три дня отпуска при части, а я написал представление на старшину — заслужил он! А командир дивизии тоже представил к ордену, заодно сразу доложив командующему армией, что мол, разгром десанта, естественно под его мудрым руководством. Заодно и к медали «За боевые заслуги», не очень-то и хотелось эту медаль получать, у нас все «ППЖ» были к ней представлены, даже шутка была — медаль «За половые услуги». А начштаба представил к медали «За отвагу», красивая медаль! И заслуженная! И к очередному званию представили! И даже дал приказ в финчасть — начислить деньги за сбитые планеры. Правда, сразу и не поймёшь, за что на меня сразу такой град наградений и поощрений, за подвиг или за чудесные консервированные сосиски и сухой лимонад. Меня в штабе дивизии все девушки расцеловали, попробовал эту вкуснятину, тоже за награду сошло! И сообщили, что за планеры, как за сбитые мне начислили, по приказу Верховного Главнокомандующего, аж 18 тысяч! Тогда платили за сбитые самолёты, подбитые танки, уничтоженные батареи.

Но похоже, что главную награду я получил этой же ночью, вернувшись в свой полк. Красавица Лидочка, будучи убеждена, что я закрыл её своим телом и спас от проклятых фашистов, решила меня наградить также своим телом, в виде ордена и своими ласками, как медалями. Вот это была награда — всем наградам награда! Так что ночь у меня получилась совершенно бессонная! Но зато невероятная сладкая, с лёгкой «голодухи» я получил море удовольствия, тем более, что Лидочка к моему удовлетворению была не девушкой. Похоже её в институте научили многому и вовремя. И ещё было хорошо, что у наших медсестёр была небольшая, но благоустроенная землянка, нам никто не мешал, так что эта ночь мне запомнилась надолго!

А вторая медсестра, посверкивая своими возбуждённо-любопытными глазами в полутьме, сидела полуголая на своей лежанке и, не отрываясь, наблюдала за нами, тихонько охала и вторила Лидочке, когда та сладко стонала, бурно кончая, да ещё Лида разрешала кончать прямо в неё. Вообще-то, как я понял, со стороны зрелище было довольно возбуждательное! Нахальная луна тоже подсматривала за нашими телодвижениями, подсвечивая своими холодными лучами, незагорелая попа Лидочки отсвечивала в полутьме не хуже фонарика. Благодарная за своё спасение Лидочка так послушно реагировала на все мои пожелания, так что этой ночью я практически полностью «оторвался» в своих эротических мечтах, постаравшись воплотить всё, о чём только мечтал. Лидочка лежала и на спине, и на животе, и на боку, и даже «поскакала» на мне, как лихой будёновец на лихом коне. Ах, как она

скакала — волосы метаются вверх-вниз, её шикарная грудь тоже волнующе играет вверх-вниз, так что пришлось мне держать её грудь своими жадными руками. Или зажимать Лидочке ротик, потому что своими криками она могла поднять внеочередную тревогу в полку, не хуже чем сирена у дежурного.

Потом вторая медсестра помогла мне, когда я, поставив Лидочку «рачком», в запале ошибся и резко всунул свой член в её упругую круглую попку — Лида так громко заохала и застонала, так что ловкие пальчики подруги успели быстро зажать ротик. Лидочка немного повозмущалась, сказав, что я не в ту «дверь» заскочил. А вторая медсестра горячечно зашептала: — Спасителя нужно благодарить по-полной! Ради этого можно и потерпеть — мужчина тебе попался горячий! Я бы потерпела, да и не раз! И всю ночь бы терпела — наш лейтенант спас нас всех! Ну не вынимать же ему сейчас!

А тут у нас ещё и комедия получилась, только в интимно-эротическом смысле. Ближе к утру мы с Лидой выпили по кружке чудесного Цинандали», она легла и уснула. А я вышел из землянки — отлить и перекурить, причём тихо и осторожно, ночью движение запрещено, так что нельзя попадаться патрулям, тем более герою полка и тем более герою постельных боёв! Закурив, я вспомнил, какими завистливыми взглядами провожали все офицеры в столовой меня, когда после ужина Лидочка позвала: «Старший лейтенант Вольцев — на медицинские процедуры!» Эти самые «процедуры» все бы приняли бы с удовольствием, но... В основном их принимал наш любвеобильный комполка, причём по очереди у обеих медсестёр, естественно в своём небольшом личном домике. Ладно перекурил, повспоминал и возвращаюсь обратно в землянку девушек и тут меня страстно обхватили такие сильные, горячие и дрожащие от нетерпения руки второй медсестры.

Похоже наши с Лидочкой кувыркания и приглушённые возгласы страсти возбудили девушку основательно, Да и девушка она явно возбудительная, вон как вся дрожит и тихо стонет, крепко прижимаясь ко мне. Хоть и устал я сильно, но отказать именно в такой момент возбуждённой донельзя девушке... нет слов! Узнав об этом, точно бы весь полк, и мужчины и женщины, с глубоким презрением и возмущением плевали бы мне вслед! Более того, именно сейчас мне предстоит отстоять честь всего мужского коллектива нашего дружного полка! И тем более — это же другая девушка, другие губы, горячие сильные руки, которые так настойчиво раздевают меня, а сама она уже в одной комбинации на голое тело. Так что через минуту я уже лежал между её широко раздвинутых ножек и горячее упругое тело буквально обжигало меня, мы двигались навстречу друг другу — какая она страстная! Как ни смешно, но бурно начав и бурно кончив прямо в её пылающее лоно, я буквально «отрубился» и просто уснул, лёжа на сильном упругом теле красотки. Утром полуголая Лидочка, сладко потягиваясь и зевая, немного поругала меня за «измену», совсем не расстроившись, да и были обе девушки с весьма довольными личиками.

Одеваясь прямо при мне, они рассказали, что по требованию командира полка часто ходили к нему на «приём», в своей женской прагматичности надеясь получить льготы, получить удовольствие и даже забеременеть. Но ни беременности и ни удовольствия они не получали, не кончали ещё ни разу, как ни смешно. А тут, в эту ночь, море удовольствия от новоиспечённого старлея, да и залил я их лона полностью, особенно Лидочке. Ей я хоть и случайно, да ещё и в попку заехал, хоть это по тогдашним понятиям полный разврат, но зато, как пошутила Лидочка — «удовольствия полные штаны!» А почему они разрешали мне в них кончать, так тут ларчик открывается просто! По приказу наркома обороны товарища Сталина,

которого недаром за глаза называли «Хозяин», чтобы не нарушать демографию страны, наши женщины, забеременев в действующей боевой части, отправлялись в тыл, получая неплохие льготы в виде ордеров на жильё, заодно и выдачи продуктовых карточек по усиленной норме. Ох непрост был товарищ Сталин, всё предусмотрел. Так что наши девушки-медсёстры оказались прагматичными и хитрыми особами — всю неделю мы проводили ночи в их землянке и очень бурно. Как шутила Лидочка — она практически моя законная жена, а вот подруга — моя любовница! И очень классно им так!

Одна медсестра после отбоя шла гордым шагом к командиру полка, а вторая в это время проводила эту ночь со мной, изнывая от страсти и бурно кончая. Я был в полном восторге — мне невероятно повезло! Ну героям и должно везти! А на вторую ночь девушки менялись — в удовольствии был и я и командир полка. А вот по прибытии проверочной комиссии по готовности полка — округлившиеся животики подруг были списаны на любвеобильность и похотливость нашего комполка. А тот с перепугу, боясь гнева политотдела, расстарался вовсю — девушки были быстро оформлены в строевом отделе, получили полную зарплату, денежные и продовольственные аттестаты, обмундирование, хороший паёк в дорогу, заодно в приказе командира дивизии попросил Лидочку оформить своей женой, дабы избежать наказания за разврат в своей части, ну и подруги отбыли в тыл. А проводить их, поскольку вещей у них было полно, отправили нашего старшину, который, вернувшись, на все вопросы только молча и плотоядно подкручивал свои усы. Самое смешное, что сдавая свои дела вновь прибывшим в полк новым медсёстрам, обе подруги явно что-то «такое» им рассказали, уж очень выразительно обе новенькие на меня поглядывали и подмигивали, нахалки! А имя подруги Лидочки я так и не удосужился узнать! А через месяц меня назначили командиром батальона и наша дивизия отбыла в район Курской дуги — в начале июля ожидалось немецкое наступление. Но этот полусмешной случай с девушками я запомнил навсегда.